

История философии

09 Платон (выводы) и «Метафизика» Аристотеля

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Итак, что бы мы хотели обсудить о Платоне, прежде чем закончить? Один из способов осмысления Платона, и это может помочь вам немного разобраться в ситуации, — это представить его как человека, развивающего ключевой тезис, который можно представить с помощью аналогии с разделённой линией. Хорошо, с одной стороны, у нас есть различие между знанием и мнением, эпистемологическая сторона разделённой линии, а затем, когда мы говорим об объектах знания и мнения, различие между формами и частностями. Другими словами, с этой концептуальной моделью вечных неизменных идеальных форм, к которым частности каким-то образом относятся, и которые Платон пытается обнаружить, в связи с этой центральной темой, всё остальное начинает проясняться.

Таким образом, это можно рассматривать как центр колеса, от которого все остальное расходится по периметру. Именно в свете этого, конечно же, он начинает свои рассуждения об этике. Именно в свете этого он понимает человеческую душу.

Именно в свете этого он рассуждает о политике. В свете этого он развивает некоторые образовательные идеи. В свете этого он разрабатывает некоторые космологические концепции.

В свете этого, появляется некое зарождающееся представление о Боге, о добре, понимаете. И что бы он ни говорил, вам может быть интересно то, что в «Республике» он развивает своего рода философию истории, прослеживая, как четыре различные формы правления, характеризующиеся преобладанием либо алчных, либо энергичных, честных, содержат в себе семена собственного разрушения. Потому что, если вами не управляет разум, понимаете, вас ждут только перемены и упадок.

И поскольку эти различные формы правления содержат в себе собственный внутренний саморазрушительный процесс, в результате получается циклический взгляд на историю, так что за первым следует второй, третий, четвертый, первый сменяется вторым, третьим, четвертым. Подобно тому, как у греков была циклическая космология, космос, проходящий через циклы интеграции и распада и так далее, так и Платон разработал циклический взгляд на историю. И, конечно же, циклический взгляд на путь отдельной души, стремящейся вверх и падающей вниз, понимаете.

Или, если хотите, воплощение и реинкарнация. Теперь, когда циклическая концепция проходит красной нитью через греческую мысль, Платон особенно хорошо её раскрывает. Ну, есть что-нибудь о Платоне, на что вы хотели бы обратить внимание ? Да.

Да, здесь, пожалуй, есть два аспекта. В этой жизни, если провести аналогию с колесницей и крылатыми конями, ты изо всех сил пытаешься взлететь к солнцу, понимаете? Во всей его красоте, в свете, который заливает душу, и из-за заблудшего коня, насмехающегося над всем этим, ты спускаешься вниз и продолжаешь бороться. Так что это можно интерпретировать как взлеты и падения души в одном воплощении.

Это можно также интерпретировать как последовательные воплощения. То есть, эта борьба — это эта жизнь, но на этом всё и заканчивается, и вот вы падаете, начинаете заново и так далее. Но в любом случае, вы получаете последовательные переживания такого рода, циклическую историю.

Это очень характерно для греческой мысли. Нечто подобное мы обнаружим и у стоиков. У них было представление о том, что космос проходит периоды развития, а затем происходит масштабный космический пожар, в котором всё уничтожается огнём, и затем всё начинается сначала.

Частично здесь прослеживается влияние Гераклита, идея основного элемента — огня. Таким образом, этот циклический процесс продолжается бесконечно. И кто-то указал, что первое линейное представление об истории, о том, что история движется в любом направлении, возникает, по сути, у святого Августина и его «О граде Божьем».

Почему именно святой Августин? Потому что у него был богословский взгляд на историю. Взгляд на историю, согласно которому Бог направляет историю к её предназначению. Таким образом, его богословие проявляется в его истории.

Тот факт, что у греков было циклическое мировоззрение, а затем появилась христианская мысль с линейным взглядом, иногда рассматривается как объяснение ожидания исторического прогресса, которое, конечно же, захватило западную цивилизацию во время научной революции и доминировало в мышлении эпохи Просвещения и оптимизма XIX века в отношении человеческого прогресса и так далее. И мы до сих пор это слышим. Так что здесь интересные контрасты.

Почему цикличность? Что ж, у Платона, я думаю, обоснование этому легко найти, если вернуться к разделительной линии. Видите ли, вы не добьетесь никакой стабильности, никакого неизменного достижения без полного участия в

реальности форм. Время — это царство перемен, нестабильности, изменений и распада, понимаете.

Таким образом, история, царство времени, циклична. Именно поэтому греки были так сосредоточены на, так сказать, бестелесной загробной жизни, на бегстве от этого мира времени и нестабильности. Когда Сократа должны были казнить, он поблагодарил своих палачей.

Что еще мог бы попросить философ избавиться от тела, которое постоянно мешает размышлениям? И когда в первые годы христианской церкви проповедовали воскресение тела к вечной жизни, знаете, история о том, что произошло с Павлом в Деяниях 17, когда в Афинах он говорил о воскресении мертвых, они как бы вежливо отложили это и сказали: «О, мы слушаем об этом в другой раз». Это было характерно для первых трех-четырех веков церкви. Воскресение? Кому нужно тело? Видите ли, если у вас греческое представление о нестабильности и безнадежности земного мира.

И только в иудео-христианской концепции творения как чего-то доброго, созданного Богом с определенной целью и направленного куда-то, появляется место для таких понятий, как воскресение мертвых или линейное представление об истории. Так что Платон — это удивительный человек. Да? Ну, нет.

Да. Первая форма правления распадается, уступая место второй, которая уступает место третьей, которая уступает место четвертой, которая снова возвращается к первой. Да.

Да. Понимаете, если начать с аристократии, которая установила честное правление, то она постепенно вымирает, и один из её наследников становится своего рода тираном. У неё нет достаточного влияния, чтобы заручиться поддержкой последователей.

Таким образом, с помощью диктаторской силы он подавляет народ. И в ответ на это, когда его отстраняют от власти, народ берет верх. Но, исходя из опыта Платона с Сократом, идея захвата власти народом, когда все граждане напрямую голосуют по тем или иным вопросам, на самом деле является формой правления толпы, подкрепленной демагогической риторикой.

Понимаете? Так что демократия — это не решение. Но если несколько человек вырвутся на поверхность, возникнет олигархия, управляемая немногими. Понимаете? И среди олигархии не все действительно способны на что-то, понимаете, и поэтому она уступает место аристократии.

А затем от аристократии к тирании, и от тирании к демократии, знаете, круговорот, как в тутовом кусте. Понимаете? Так вот, идею исторического прогресса в обществе вы не найдете у Платона. Больше оптимизма по этому поводу можно найти у стоиков, а значит, и в Риме, а не в Афинах.

Аристотель... да, я не решаюсь сказать, что он не был столь же откровенно, как бы это сказать, пессимистично настроен по отношению к миру времени, как Платон. Да. Откуда берется оптимизм в отношении жизни? Вот в чем вопрос.

У Платона, по правде говоря, не так уж много оснований для оптимизма. Это не значит, что он считает материю злом. Нет, я так не думаю.

Поскольку система упорядочена, она хороша, но проблема заключается в её упорядочивании. Как и в любом обществе, проблема состоит в контроле над аппетитами, над чувственным элементом, который ведёт себя беспорядочно. Аристократией могут управлять честные, энергичные и смелые люди, но тирания управляется чувственным элементом, демократия — чувственным.

Олигархия может развиваться в любом направлении. Так говорит Платон в своем знаменитом высказывании: «Пока философы не станут царями, или цари не станут философами, на этой земле никогда не будет мира и справедливости». При этом он не имеет в виду людей с академическими специализациями.

Он имеет в виду любителя мудрости. Любителя добра, понимаете, который диалектическим пониманием видит добро и поступает так, и это еще одна причина, почему так важно совершенствование души. Ну, что-нибудь на эту тему? Или вы готовы к Аристотелю? Нет, пока нет.

Извините, быстрый вопрос. Платон считал, что любовь — это высшая форма, высший Бог. И существуют другие формы Божьей любви.

Он, безусловно, очень высоко ценит любовь, и слово «Бог» в некоторых из этих диалогов используется крайне распушено. Я не хотел, чтобы это была игра слов. Любовь и распушенность.

Часто это так преподносится. Но я думаю, что в целом, согласно Платону, Бог, скорее всего, является формой добра. Форма добра, которая в диалоге «Федра» — это форма красоты.

Красота сама по себе, как она представлена на Симпозиуме. Какова связь между добром и красотой? Ну, в эстетической сфере, понимаете, красота — это высшее благо. Что такое красота? Единая, упорядоченная гармония.

Видите ли, это единая, рациональная гармония. Платоновское представление о красоте, которое современные художники критикуют. Хотя я думаю, что в них есть единство другого рода, знаете, произведение искусства.

Но что же такое красота с точки зрения эстетики, что такое истина с точки зрения познания, что такое добро с точки зрения морали, этики? В этом смысле добро, красота и истина для Платона являются приблизительными синонимами. И если есть одно слово, которое он использует для обозначения всего этого, это слово «добро».

Итак, добро имеет как общее значение для всех видов добра, сущность добра, так и более конкретное этическое значение. Теперь, если вы говорите об отношении души к этому, понимаете, каково высшее добродетель, которую душа должна достичь в отношении к этому? И ответ, конечно же, это любовь. Любовь, как я говорил в пятницу, это... пятница? Сегодня понедельник? Да, верно.

Любовь — это движущая сила. Это побуждение, мотивирующая вещь. Она, видите ли, активизирует.

Это желание, которое тебя движет. Да. Но он стремится к добродетельному желанию.

Но в то же время любовь к добру, любовь к красоте, заставляет вас хотеть быть похожим на неё. Понимаете? Если вы действительно любите красоту, вас будет интересовать, как вы выглядите утром, выходя из комнаты. Понимаете? Если вы действительно любите нравственное добро, вас будет волновать вопрос о том, как быть добрым.

Если вы любите истину, вы захотите узнать и понять её. На самом деле, любовь к истине, любовь к красоте, любовь к добру — это не только движущая сила, но и объединяющее явление. Потому что она поглощает всю вашу энергию.

Понимаете? Девушка, которая влюбляется, не может думать ни о чем другом, кроме своего возлюбленного. По крайней мере, так мы шутим. Понимаете? Потому что вся жизнь, кажется, сосредотачивается вокруг объекта любви.

И вот, когда в платоновской традиции, например, Августин, обсуждает различные нравственные добродетели и задает вопрос: среди всех добродетелей есть ли одна объединяющая добродетель, которая объединяет нравственную жизнь? Да, это любовь! Понимаете? Таким образом, любовь — это не только движущая сила, мотивирующая что-то, но и объединяющая вещь. Понимаете? И, конечно же, Августин подхватывает это и связывает с тем, что вы находите в еврейских писаниях и в Новом Завете о любви всем сердцем, душой

и силой, понимаете ? Первая и великая заповедь: возлюби Господа Бога всем сердцем твоим и душою твоею, и так далее. Объединяющая добродетель — это любовь к добру .

Так что, любовь — это божество? Ну, это зависит от того, что вы подразумеваете под божеством. Если вы имеете в виду правителя души, что является одним из значений слова «боги» у греков, да и у древних евреев, правителя души, то да, любовь — это правитель души, не так ли? Это помогает? Конечно, помогает. Хорошо, давайте тогда обратимся к Аристотелю.

Надеюсь, вы обнаружите, что Платон — это один из тех ориентиров, к которым вы постоянно возвращаетесь в своих размышлениях, и к его трудам — то, к чему вы постоянно возвращаетесь при чтении. В конце концов, вы не образованы, но читали «Республику». Аристотель был учеником Платона, что не означает, что он с ним соглашался.

Это означает, что там, где он не соглашался с Платоном, он был вынужден приводить доводы и был настолько убежден в правильности его общего проекта, что пытался продвинуть его дальше. В том направлении, которое он считал корректирующим, исправленным. Он разделял заботу Платона о совершенствовании души, и в области этики, как и в отношении знания в целом, он также стремился различать то, что кажется хорошим некоторым людям, и то, что действительно хорошо само по себе.

Существует множество вещей , которые людям кажутся благими, высшим благом. Удовольствие, власть, богатство, успех — Аристотель перечисляет их бесконечно. Но то, что людям кажется благом, вовсе не обязательно является высшим благом, понимаете?

Таким образом, он проводит различие между мнением и знанием, между видимостью и реальностью. И, подобно Платону, он обеспокоен тем, что благо является нашей целью. Нашим предназначением.

Подобно Платону, он склонен рассматривать добро в самом совершенном смысле этого слова как Бога. И он согласен с Платоном в том, что существуют неизменные формы или сущности, которые представляют собой то, что является идеальным, благим, для различных классов вещей. Качества, отношения и так далее.

Он — ярый последователь Платона, но при этом и довольно критически к нему относится. Мы к этому вернемся чуть позже. Однако вы обнаружите, что в одном очень очевидном аспекте он не похож на Платона.

Платон пишет диалоги, рассказывает правдоподобные истории и мифы. Платон пишет скорее как литератор. Аристотель же больше похож на учёного.

Иными словами, стиль Аристотеля заключается в создании кратких, хорошо структурированных изложений. С подробным анализом различных значений этого термина, различных видов того или иного понятия. Очень аналитический подход.

Очень систематично. У вас не возникнет никаких трудностей с пониманием структуры произведения Аристотеля. Даже если у вас возникнут проблемы, например, с пониманием структуры «Федра» Платона.

Но в нем больше чувствуется объективный ученый, отстраненный от исторических проблем, чем в случае с Платоном, который явно был вовлечен во все исторические проблемы Афин, созданные, например, софистами. Учитывая это, вы обнаружите, что его довольно сложно читать. Отчасти, возможно, это связано с переводом.

Но в основе проблемы перевода лежит тот факт, что, подобно многим ученым и теоретикам, Платону приходится разрабатывать собственную терминологию по ходу работы. Ему приходится создавать свою собственную терминологию. И на английском языке это звучит как техническая терминология.

Возьмем, к примеру, слово «сущность». Слово «сущность». По крайней мере, так его переводят.

Это перевод с греческого, означающий просто «что есть». Таким образом, сущность чего-либо — это просто то, что оно есть. Это внутренняя реальность.

Или, как мы научились говорить, это неотъемлемая реальность. Кто-нибудь из вас здесь разгадывает кроссворды New York Times? Не разгадывает? Кроссворды Chicago Tribune? Не разгадывает? Один человек там, сзади .

сзади один человек . Если хотите чего-нибудь попроще, почитайте местную ежедневную газету. Это займет пять минут.

Кроссворд в New York Times — самый сложный. А вот Sunday Times — худший из существующих. Ужасный.

Если вам когда-нибудь покажется, что вам не хватает вызова, попробуйте. Но, как это часто бывает в New York Times, если делать это достаточно часто, начинаешь распознавать повторяющиеся подсказки. Одна из них — это подсказка, которая говорит примерно следующее: что есть.

Или, по крайней мере, так считает Платон. И вы сразу понимаете, что их интересует глагол «быть», что просто означает «быть». Видите ли, сущность есть то, что она есть.

Что это такое? Вот и всё. Так что не пугайтесь термина «сущность».

Можете перевести это более буквально, как читаете. Но он придерживается именно такого подхода. Так считает один из комментаторов Аристотеля.

Он истязает греческий язык. Он придумывает новые слова и извращает старые, чтобы использовать их в своих целях. Он соединяет предлог и неопределенное местоимение и рассматривает это сочетание как существительное, которое мы переводим как отношение.

Он переводит вопрос в технический термин и спрашивает: что же это такое? В чём сущность этого? Он говорит, что для того, чтобы вещь была тем, чем она является, она должна быть существом. И под давлением истории мы всё ещё переводим это последнее изменение, существование, в этом запутанном термине, как субстанцию. Что такое субстанция? Существо.

Что такое сущность? Что есть бытие. Таким образом, слово «субстанция» просто обозначает всё, что обладает бытием. Всё, что обладает бытием.

Что ж, пусть вас не смущает терминология. Если мы хотим разобраться в различиях между Платоном и Аристотелем, то, несомненно, лучше всего начать с метафизики Аристотеля и как можно скорее сосредоточиться на формах. Потому что именно там проявляются самые серьезные разногласия Аристотеля с Платоном.

Если, как я только что предположил, используя в качестве примера диаграмму центра колеса и спиц, в платоновской разделенной линии, представляющей формы, детали и отношения, центральное место занимает все остальное, то любое несогласие в этом вопросе будет иметь последствия на периферии схемы. Поэтому для начала нам нужно сосредоточиться на метафизике Аристотеля. В «Антологии Кауфмана» есть первая книга метафизики, «Неполнота».

Помимо некоторых других материалов из «Метафизики», первая книга, главы первая и вторая, то есть с 297 по 300, посвящены определению сферы применения, предмета метафизики. И я думаю, что лучше всего понять, что имел в виду Аристотель, можно, взглянув на эту простую схему.

Он начинается с различения двух видов знаний: практических и теоретических. Цель, предназначение, предназначение практических знаний, конечно же, заключается в действии.

Практические знания могут быть продуктивными. Следовательно, как мы говорим, они имеют инструментальную ценность. Это средство для достижения иной цели, нежели самоцель.

В то время как теоретическое знание, цель которого, предназначение которого состоит в понимании истины, познании истины, имеет ценность само по себе. Оно обладает внутренней ценностью.

Внутренняя ценность. Теоретические знания называются спекулятивными. И пусть эти слова вас не запутают.

Глагол *theoro* — греческий глагол, означающий «видеть», «смотреть», « созерцать», «визуально изучать». А *speculo* — его латинский эквивалент. Отсюда и происходит слово «очки» (*spectacles*).

Таким образом, спекулятивное знание — это просто знание, которое стремится мыслить, изучать что-либо, созерцать это. И поэтому как теоретическое, так и спекулятивное знание говорят о знании, которое ценится само по себе. Мы хотим его понять, мы хотим о нём подумать и хотим его отметить.

Внутренняя ценность, а не инструментальная. Хорошо. Теперь вы заметили, что в отношении практических знаний различают два вида.

Одно обозначено как опыт, а другое — как искусство. Возможно, лучше было бы назвать это артефактом. Потому что акцент делается на умении создавать что-либо.

Если искусство подразумевает некое высокое искусство, то это будут ремесла и художественные промыслы. Но речь идёт об изделиях-артефактах. О процессе изготовления таких изделий, о знаниях, необходимых для их изготовления, и о том, как это делать.

Однако речь идет об опыте, причем о более раннем его варианте. Опыт включает в себя память, а затем и накопление опыта. Опыт — это просто своего рода знание того, что нас окружает.

Знать, что происходит. Как знать, что случилось с тобой вчера. Это своего рода полезное знание.

Но вы мало что с этим делаете. С другой стороны, знания, необходимые для занятий искусством и ремеслами, — ну, подумайте обо всех профессиях. Все производительные профессии задействованы.

Благодаря пониманию и знанию эффективных способов решения задач, вы можете заставить происходить всё что угодно, самые разные вещи. Обладая этими знаниями, вы действительно можете что-то делать. Вы можете создавать вещи.

Вы можете изменить ситуацию. Это практические знания ремесленника. Но метафизика — это не вид практических знаний.

Это своего рода теоретическое знание, обладающее внутренней ценностью. Это наука. И наше слово «наука», происходящее от латинского *sciendia*, обычно используется для обозначения отдельных наук, естественных наук и социальных наук.

В Европе слово «наука» или эквивалент слова «наука» обозначает любое теоретическое исследование. Таким образом, изучение этической теории — это наука. Теология — это наука.

Любое теоретическое исследование — это наука. И греки использовали это слово именно в таком смысле: теоретическое исследование.

Но можно провести различие между частными науками и тем, что он называет первой мудростью, которая является наукой наук, наукой о применении науки. Всеобъемлющей наукой всех наук. Самой общей из всех наук.

В настоящее время отдельные науки занимаются изучением различных принципов, действующих в конкретной области знаний, в разных типах вещей. Именно Аристотель вводит классификацию по видам, семействам и так далее.

Вполне верно. Но в этих областях учёный стремится понять основные принципы. То есть, что заставляет вещи функционировать так, как они функционируют.

И если вы сможете понять эти первопричины, то сможете понять всю эту классификацию вещей и, соответственно, разобраться в ней. Мы вернемся к этому чуть позже. Мудрость же он называет наукой наук.

Или наука о бытии. Видите ли, существуют разные виды вещей. Есть науки, связанные с животными.

Существуют науки, изучающие растения. Существуют науки, изучающие небесные тела и их движение. Науки, изучающие самые разные вещи.

Но все, чем занимаются науки, связано с бытием. Кто изучает бытие, что значит быть и кем стать? Вот это и есть наука наук. Наука о бытии.

Первая мудрость, которую мы называем метафизикой. И здесь я должен добавить примечание: Аристотель не использует слово «метафизика».

Вы скажете: «Ах, но ведь его работа называется метафизика». Да, так его ученики назвали его после смерти. Почему? Ну, видимо, они систематизировали оставленные им заметки.

Заметки, которые он использовал в преподавании и тому подобном. И они систематизировали эти обширные заметки по различным категориям. И у них были заметки о небесах, которые они называли De Caelo.

Некоторые из их работ были посвящены рождению и смерти и назывались «О порождении и разложении». Были и рассуждения о природе, которые они называли «Физика». А ещё у них было много всего, с чем они сами не знали, что делать.

Поэтому они всё это объединили, поместили в организацию после физики и назвали Physica, которая идёт после физики. Вот так и появилось наше слово «метафизика». Понимаете?

Таким образом, слово «метафизика» — это случайность. Но природа метафизики с самого начала, понимаете, поскольку это было название всего этого материального, природа метафизики такова, что это наука о бытии. Первопричина всех причин.

Хорошо. И в этом смысле это в значительной степени касается форм и процессов становления для каждого вида существ. Вот такое определение подразумевается.

Вы заметите, что, говоря о бытии, он иногда использует фразу, или, по крайней мере, перевод, поскольку это латынь, being qua being, что означает просто бытие в смысле простого бытия. А не бытие в смысле животного, или в смысле стула, или в смысле теплого дня. Понимаете?

Нет, бытие как таковое, бытие в смысле бытия. Таким образом, метафизика охватывает эти общие вопросы. И это определение метафизики действительно сохранилось на протяжении веков.

, который предложил рассматривать метафизику именно таким образом. Прежде всего, речь идет о бытии в целом, о бытии как таковом, об онтологии. Изучение бытия.

Хорошо. Но тогда существуют три основных типа бытия. И поэтому их философское изучение следовало бы назвать философской космологией.

Изучение природы. Философская психология. Изучение человеческого разума и души.

Философская психология. И философская теология. Изучение Бога.

И это помимо частных наук. То есть, помимо библейской, догматической или систематической теологии как частной науки. Помимо того, что мы сейчас считаем экспериментальной психологией как частной наукой.

Или, помимо физики или астрономии как отдельных наук. То есть, философские вопросы в этих областях. Но такая классификация появилась в XVIII веке.

И это просто означает, что довольно сложно, если вы рассматриваете бытие как таковое, не совать нос в другие вещи, в частности. И мы увидим, что это относится и к Аристотелю, потому что, когда он говорит о бытии как таковом и о конечных причинах, ему приходится, конечно же, говорить о Боге в терминах конечных причин. Понимаете?

Хотя он и не утверждает, что обсуждает теологию какой-либо конкретной религии. Поэтому сначала — определения. Это первое, что нужно сделать.

Есть вопросы? Всё довольно просто, и я просто представил это в такой схеме, чтобы вам было легче прочитать первые две главы. Первые несколько страниц. Хорошо.

Итак, давайте тогда перейдем ко второй теме, касающейся форм и причин. Да. Когда мы изучали теорию форм Платона, и в частности «Парменида».

Мы очень остро осознали проблемы. Проблемы, которые платоновская теория форм рассматривает с помощью своих трансцендентных форм. И этот мир физических частных здесь, внизу.

Натыкается на. И, возможно, главная проблема заключается в проблеме участия. Однако участвуют ли частные элементы в универсалиях? Что значит участвовать? Участвуешь ли ты в части или в целом? Аргумент «третьего человека».

Помните? И всё в таком духе. Аристотель много об этом знает, и вы найдёте это в оставшейся части первой книги «Метафизики». Он приводит именно такие вещи и многое другое.

В своей критике Платона я оставляю вам возможность проследить эту цепочку мыслей самостоятельно, но позвольте мне упомянуть некоторые моменты, которые он поднимает. Не только там, но и в других своих трудах.

Возьмем, к примеру, следующее. Согласно Платону, форма отделена от материи. Формы трансцендентны.

Материальные вещи не обладают формами, но так или иначе похожи на формы. Но в материальных объектах нет форм. Что ж, Аристотель считает это невероятным.

Видите ли, среди этих форм есть математические объекты. Да, форма равенства. Форма треугольника.

Форма триады. Тройничок. И так далее.

Математические объекты неотделимы от материальных. Потому что материальные объекты обладают математическими свойствами, разве вы не знаете? Так что, если математические объекты — это образцы форм, то их нельзя отделить от материальных объектов, физических объектов.

Значит, формы не могут быть отделены от материи. Платон должен был это знать. Он находился под сильным влиянием Пифагора и понимал, что физические вещи обладают математическим порядком.

Или попробуйте вот это. Этот аргумент изложен во второй книге, второй главе «Физики». Попробуйте и этот, который встречается в некоторых его работах по этике.

Платоновское представление о благе — это всего лишь идеал, достойный созерцания.

Оно само по себе не обладает действенной силой. Форма блага — это идеал, лишенный действенной силы.

Но с другой стороны, детали не имеют формы.

Только материя. Материя. Что же тогда склоняет к конкретному?

Стремление к упорядоченности. Красота. Это хорошо.

Что содержится в материи, в материальных вещах? Что даёт им естественный импульс, направление. К добру.

Когда формы трансцендентны и не являются неотъемлемой частью материи, как можно объяснить естественные изменения в физической вселенной? Изменения, которые естественным образом порождают порядок, красоту и добро.

Когда в материальном нет формы. И трансцендентные формы не обладают действенной силой. Как это объяснить? Ну, знаете, размышляя о Платоне.

Вы, наверное, скажете: «А за что вообще продаётся мир? Разве мир не продаётся как эффективная власть?» Но, эмм... Аристотель с этим не согласен. Он открыт для концепции добра как Бога.

Но идея о том, что мировая держава может что-то одушевить, звучит слишком... ну, я полагаю, если бы он был здесь сегодня, он бы сказал, что это ненаучно. Это слишком похоже на сказку.

Наверняка есть гораздо более простое объяснение. Понимаете? Если материальные объекты обладают математическими свойствами, то форма математических объектов должна присутствовать и в самих материальных объектах.

Понимаете? И если растения, животные и природные процессы спонтанно порождают порядок и красоту, то в материальных вещах и процессах должна присутствовать сила формы. Так к чему же он клонит? Что он имеет в виду? Почему? Почему нам нужно говорить о трансцендентных формах? Почему не о неотвратимых формах? О формах.

Формы не существуют в каком-то далеком платоновском раю, ничего не значащем. Понимаете? Формы не существуют сами по себе, блуждая в поисках пристанища на этой земле. Формы — это формы вещей.

Они непосредственно связаны с тем, на что указывают. Поэтому возьмите любой конкретный пример: кота, капусту, короля, цветную капусту.

Что угодно. Любая деталь является составной частью. Деталь — это составная часть формы и материи.

Речь идёт не просто о материи, так или иначе лишённой какой-либо силы, стремящейся скопировать некий идеал. Нет, а само частное представляет собой

сочетание формы и материи. И, следовательно, аристотелевский взгляд на частное стал известен как гиломорфизм.

Гиломорфизм, греческое слово *hulae*, является одним из слов, обозначающих материю, материальные вещи. И, конечно же, *morphe*, означающее форму, как в морфологии. И так далее.

Итак, это главное изменение, которое вносит Аристотель. Это главное изменение, которое он вносит. И оно имеет огромное значение.

Кит — это большая рыба. Кит — это огромная разница. Огромная разница.

И, собственно, нам придётся проследить это различие. По сути, это означает, что если форма присуща конкретному объекту, то этот объект обладает некоторой внутренней способностью. Некоторым внутренним потенциалом.

В самой своей сущности оно имеет некую цель, или телос. Да, если именно форма делает конкретную вещь такой, какая она есть, то именно форма определяет её сущность, то, что она собой представляет, её способность существовать в том, что она есть. Если форма делает её такой, какая она есть, то форма означает, что она обладает внутренней способностью быть именно такой вещью.

Потенциал, который может быть реализован в желуде, — это стать дубом. Потенциал, который может быть реализован в луковице тюльпана, — это вырастить тюльпаны. Любой природный объект и природный процесс обладает потенциалом, который может быть реализован.

Иногда в переводах используется слово «потенция». Потенциал передает смысл силы. Понимаете, силы.

Да, из одного желудя может вырасти дуб. Я надеюсь, что луковицы ирисов, которые я планирую посадить в ближайшие несколько недель, смогут дать прекрасные плоды. При условии, что условия будут подходящими.

Таким образом, сущность вещи заключается в том, что она обладает потенциалом, силой, возможностью для реализации, и именно реализация этого потенциала является её естественной целью, её телосом, её предназначением. Это благо для данного конкретного вида вещей. Какова польза от этих крошечных луковиц ирисов, стоящих у меня в гараже? Польза в том великолепном цветении ирисов, которое я увижу следующей поздней весной.

А если бы у них не было такой возможности, честно говоря, я бы выбросил их на помойку. Нет, у них есть естественная цель, естественная задача. И, конечно же, когда речь заходит об этике, вопрос будет заключаться в том, что же является этикой. В чём заключается человеческая цель? В чём заключается человеческий потенциал? В чём состоит сущность человека, благодаря которой мы обладаем соответствующим потенциалом? Реализация этого потенциала означала бы, как любит выражаться один писатель, и это часто упоминается, что мы процветаем.

Конечно, когда луковицы расцветают, они зацветают. Когда ребёнок вырастает, он расцветает, процветает. И таким образом, этот заложенный потенциал является качественным достижением.

Что ж, на сегодня мы можем остановиться, но мы продолжим в следующий раз и поговорим о его концепции причин и причинно-следственной связи.